

НАША СТРАНА

Год издания — 40-ой. Буэнос Айрес, суббота 26 декабря 1987 "NUESTRO PAIS" Buenos Aires, sábado 26 de diciembre de 1987 № 1952

А. АНДРУШКЕВИЧ

МИНИМАЛЬНЫЙ ПЛЮРАЛИЗМ

В истории человечества очень часто можно наблюдать длительные процессы соревнования между двумя сверхсилами, за политической оболочкой которых укрывается две разные культуры.

Если обратить внимание на культуры, которые условно можно назвать "центральными", то с самого же начала бросается в глаза исторический дуализм между мессопотамской и египетской культурами. В силовом поле между этими двумя культурами имеет место зарождение сознательного и публичного монополизма в среде еврейского народа, самоопределяющегося между двумя пленениями: египетским и вавилонским. Соревнование между этими двумя культурами, хотя и принимает иногда форму конфликтов, все же не выливается в ожесточенную борьбу, как это произошло позже, в отношениях между Грецией и Персией, а затем, между Римом и Карфагеном.

В исторической борьбе между Грецией и Персией, последней не удаются ее попытки установления политической гегемонии над своей соперницей, но, в свою очередь, Греции тоже не удается ее попытка установления нового культурного сиптеза с Персией, в котором эллинистическая культура играла бы первенствующую роль. Действительно: как раз Персия остается вне круга эллинистических государств, создавшихся в результате завоеваний Александра Македонского, несмотря на то, что он центром своей империи хотел иметь как раз Персию. Интересно, что до этого Персии удалось создать первую мировую империю посредством завоевания Месопотамии и Египта, то есть через преодоление первого известного в истории геополитического дуализма. Но завоевать эти две сверхсилы оказалось легче, чем покорить маленькую Грецию (Греция была в 80 раз меньше персидских владений), черпавшую свою силу из силы своего духа. Это была сила просвещения и сила свободного политического строя: победа над персидским флотом у острова Саламина была достигнута благодаря техническому превосходству греческих кораблей и благодаря духовному превосходству свободных граждан, составлявших морское ополчение Афин. С тех пор, стало очевидно, что геополитическая гегемония невозможна без гегемонии "на волнах" ("талассократии").

Карфаген (буквально финикийский "Новгород"), ставший на сторону Персии в ее конфликте с Грецией, пытался проникнуть в "Великогrecию", то есть в южную Италию, колонизовавшую греками (как и "Великороссия" была колонизирована древней Русью, повгородской и киевской). Это геополитическое стремление и привело, в конце концов, Карфаген к соперничеству с Римом. В данном случае, соперничество не вылилось ни в сосуществование, как между Месопотамией и Египтом, ни в вооруженное обособление, как между Грецией и Персией, а в полное уничтожение Карфагена Римом, после того, как Рим превратился в морскую державу, а Сицилия в первую римскую провинцию.

Когда римское государство включило в себя не только все территории принадлежавшие Карфагену в западной части средиземноморского бассейна, но и все эллинистические государства в его восточной части, возникла новая форма дуализма: в рамках одной общей империи. И до наших дней этот "внутренний" дуализм сохраняется в формуле "грекоримская цивилизация". А. Хомяков хорошо описывает этот процесс: "При переходе просвещения с Востока на Запад, не все было чистым барышом..., многое утратилось или обмельчало... особенно при переходе из Эллады в Рим и от Рима к романизированным племенам Запады... Так, разделение империи на две половины, уже появляющееся в Дуумвирате (минимум Триумвирате) после первого Кесаря, потом яснее выразившееся после Диоклетиана и при преемниках Константина и оставившее неизгладимые черты в духовной истории человечества отделением Востока от Запада... происходило от древних начал (от разницы между просвещением эллинистическим и римским) и было неизбежным и великим их последствием". ("Исторические сочинения". Издание им. Чехова, стр 110).

Дуализм просвещения в рамках одной империи привел к разделению самой империи на две части, вначале еще связанные многими узлами, не говоря уже о единстве одной объединявшей их Церкви. Превращение внутреннего дуализма во внешний начинается с прекращением двуязычности в Италии в 6-ом веке, как это подмечает Ортега и Гассет, и заканчивается непониманием на Западе

греческой терминологии постановлений 7-го Вселенского Собора (на котором была преодолена иконоборческая ересь), как это подмечает А. Карташев. С тех пор, непонимание Православия превратилось в историческую константу Запада, в последние века усугубленную его антихристианскими мутациями.

Этот процесс превращения внутреннего дуализма во внешний подкрепляется норманнской интервенцией (морской!) в Сицилии, и одновременно геополитической переориентацией папских владений в Италии с византийских на норманские факторы, недолго до раскола в 1054 году. Еще в X веке папа чеканил монету с изображением византийского императора, а в 1059 году папа признает норманские завоевания византийских владений в Апулии, Калабрии и Сицилии. Как говорит Ортега, культурные мосты, перекинутые через Средиземное море во всех направлениях, взрываются и культурные связи через море меняют свое направление от берега в глубь континента. До поры до времени, рыцари сменяют мореплавателей. Тойнби, в свою очередь, говорит, что одию из ребер римской империи превращается в позвоночник Запада: "то, что в римской империи было границей, в нашей западной цивилизации станет линией-основой для экспансии... во всех направлениях". В этой экспансии, рыцари превращаются в пиратов, на смену коннице снова встает талассократия". Тойнби уточняет, что в этой борьбе "Запад прижал к стенке своих современников и залучил их в сети своего экономического и политического превосходства, но еще не отнял у них их отличительных культур". Таким образом, в этом общем процессе преобладают тенденции ведущие к упразднению всякого дуализма и к установлению, в экуменических масштабах, одной единственной идеологической, экономической и политической монополии.

Только в этих общих рамках можно правильно осмыслить и судьбу нашей русской культуры, по словам Тойнби, принадлежащей к "православной христианской цивилизации, являющейся отпрыском-близнецом, совместно с нашей западной цивилизацией", предыдущей грекоримской цивилизации.

Какое место занимает в этих общих процессах современный дуализм между двумя сверхдержавами? Впервые, во многих отношениях это псевдодуализм, которому предшествовал ввозимый и искусственно приживаемый дуализм в одной из них. В географических и общественных рамках нашей русской культуры был искусственно воспроизведен дуализм между Западом и Востоком, но не в формах сосуществования, а в формах напоминающих римское delenda est Carthago, да будет уничтожен Карфаген. Такое внедрение внешнего дуализма между двумя "близнецами" во внутрь одного (только одного!) из них, хорошо описано Шпенглером в "Закате Запада": "Общество обладало западным духом, но народ снизу сохранял душу страны". Такое скрывание собственного содержания с помощью чужих форм Шпенглер называет "псевдоморфозой". Но Россия не Карфаген, а современный Запад тоже не Рим. Многие в России можно было уничтожить, вплоть до ее имени, но убить ее дух, ее культуру до сих пор оказалось невозможным. Собственное содержание оказалось крепче чужих форм. Перемена этих форм на их другую разновидность, но все из того же склада, противоречий не снимет. Противоречия можно преодолеть только лишь путем нахождения собственных форм для собственного содержания. Тогда и псевдодуализм станет подлинным дуализмом, в рамках подходящего "близнецам" сосуществования.

Только так возможно обеспечить пресловутый "плюрализм", так как настоящий, подлинный дуализм является минимальным плюрализмом.

И. АНДРУШКЕВИЧ

ЗАВЕТЫ ПРЕДКОВ

По слухам, Николая убили первым. Дай-то Бог: он не видел, как убивают его детей. И мне жалко мать: садисты могли убить ее последней, и жалко каждую из девочек, и жалко мальчика — надежду семьи... Убивали всех, но мало кого целыми семьями. Все мы так или иначе — убитые, но среди нас есть и недобитые. Я одна из них. Не знаю, кому легче. Я верю, что они встретятся Там и будут вместе... Целой семьей... Дай-то Бог!

Н. МАНДЕЛЬШТАМ

**С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!
С НОВЫМ ГОДОМ!**

Трибуна Читателя

Благодарность

Прошу передать незаменимому общественному учителю о социализме, господину А. Федосееву мою благодарность за невероятные труды в просвещении человеческих масс! В газете бывает научное и незбылемое основание нашей защиты и победы: "Мысли вслух" И. А. Последнее — невероятно мудрая статья В. Рудинского "Пустых похвал ненужный хор!"

О. Кулинова (Германия)

О повороте рек

Бытующий на страницах нашей печати термин "окружающая среда" — весьма неудачный советский перевод американского слова "environment". По-русски надо просто сказать влияние на природу, загрязнение воды (или вод), лесов, озер и морей и т. д. "Окружающая среда" довольно бессмысленное выражение.

А теперь хочу коснуться вопроса о повороте течения северных рек на юг. Такое преобразование течения рек требует огромных средств, и поэтому в СССР его приостановили. В действительности же, такое преобразование принесет весьма большую пользу и если отразится на состоянии природы и особенно климата, то приведет только к улучшениям.

Сток северных (сибирских) рек, направленный на юг, приведет к обводнению Средней Азии и огромному увеличению посевов (на новых орошенных площадях) хлопка, риса и других полезных сельскохозяйственных культур. Иригация в Средней Азии, и в царское время, и в послереволюционное, была весьма успешной. Вероятно возникнет и новое рыбное хозяйство. Поворот течения сибирских рек будет одним из насущных проектов Новой России, если злоумышленники не отторгнут от России ее средне-азиатских владений.

Я нахожусь в числе специалистов гидротехнического строительства, поэтому могу с основаниями говорить о полезности и даже необходимости проекта переброски стока северных рек на юг. Кроме практического проектирования и исследований (которыми я занят и сейчас), я читал курсы по гидравлике, гидротехнике и строительной механике.

Могу уверить читателей, особенно читателей из молодого поколения, что гидротехника одна из интереснейших областей инженерной деятельности. Советую ее избирать русским молодым людям, как это сделал я сам, находясь в СССР.

Б. Бровцын (США)

Еще об Иосифе Бродском

В заметку Б. Бровцына ("Н. С." 1948) вкрались существенные неточности в описании биографии Бродского. В заметке сказано: "Его уволили с работы, когда он подал прошение в ОВИР для выезда за границу на том основании, что он еврей. Другой работы в мире интеллектуального труда он найти не мог, а от принудительного физического труда (в советском Петрограде, где он жил) он отказался... он отбыл ссылку и вернулся в советский Петроград, откуда его, на основании того, что

он еврей, в конце концов, выпустили за границу... он противоборствовал с советской властью (правда, зная, что имеет поддержку на Западе)".

Все эти сведения не соответствуют действительности.

Вот строки из биографии поэта: "Иосиф Александрович Бродский родился 24 мая 1940 года в Ленинграде. Окончив семилетку, И. Бродский работал в экспедициях, лабораториях и т. п., сменив немало профессий. Стихи его распространялись исключительно в списках. В газете "Вечерний Ленинград" был опубликован грязный пасквиль. В феврале 1964 года И. Бродский был арестован, обвинен в тунеядстве и приговорен к пяти годам ссылки в Архангельскую область, где занимался тяжелым физическим трудом в совхозе. В сентябре 1965 года И. Бродский был досрочно освобожден и вернулся в Ленинград, в мае 1972 года неожиданно получил настойчивую рекомендацию эмигрировать и 4 июня покинул Советский Союз, по маршруту Ленинград-Вена-Лондон-США ("Р. М." 30-10-87).

Из показаний Бродского на суде: "Я начал работать с 15 лет, мне все было интересно. Я менял работу потому, что хотел как можно больше знать о жизни и людях. В перерывах я писал стихи" (Там же).

Их этого видно, что с никакой "интеллектуальной" работы Бродского не увольняли, так как он ее никогда не имел. В ОВИР в 1964 году он не обращался, так как тогда эмиграция еще не было, она началась в 1971 году. Во время ареста и суда никакой поддержки на Западе Бродский не имел, там слышали его имя только после передачи на Запад записи процесса Бродского, когда поэту было 24 года.

В заключение приведем строки из стихов поэта.

Ни страны, ни погоста
не хочу выбирать.
На Васильевский остров
я приду умирать.
(*"Стансы"*, 1962)

Теперь меня там нет. Об этом думать
страшно.
Не было бы чудней изображать
барана.

Дрожать, но раздражать на склоне дней
тирана.
Мне нечего сказать ни греку, ни
варягу.

Зане не знаю я, в какую землю лягу.
Скрипи, скрипи перо! переводы бумагу.
(*"Пятая годовщина"*, 1977).

Скорость пули при низкой температу-
ре
сильно зависит от свойств мишени,
от стремленья согреться в мускулату-
ре
торса, в сложных переплетениях шен.
(*"Стихи о зимней кампании 1980 г."*).

Е. Кармазин (Франция)

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ "НАШЕЙ СТРАНЫ" ВО ФРАНЦИИ

Новым представителем "Нашей Страны" во Франции с 14-го ноября 1987 года является Евгений Зиновьевич Кармазин. Редакция просит по всем делам, то есть уплаты подписки, перемены адресов и т. д., обращаться только к нему. Его адрес: Mr. E. KARMAZIN, 41 rue Joseph de Maistre, PARIS (18-me), France.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

Необъективная критика

Отнюдь не являюсь безоговорочным поклонником И. Бродского. На мой взгляд, у него есть отдельные прекрасные стихотворения, и рядом — очень много слабых. В силу чего и присуждение ему нобелевской премии вряд ли вполне им заслужено. Ее бы следовало давать лучшим из лучших. Но, увы, дают часто совсем зря. Так что, в данном случае, возражать не стоит. Хотя дали ее, на сей раз, скорее по соображениям политическим, чем художественным.

Однако, письмо Б. Бровцына "Об Иосифе Бродском", в № 1948 "Нашей Страны", меня немало удивляет. Критика этого последнего выглядит грубо несправедливой. Читал ли он Бродского вообще?!

Он утверждает, будто тот пишет без рифмы и без размера. Может быть, и даже вполне вероятно, у Бродского есть и белые стихи; как-то писать не грех, — писали их и Пушкин, и А. К. Толстой, и Блок, и Гумилев. (Примеров Б. Бровцын, к сожалению, не приводит).

Но, как говорится, факт, а не реклама: все главные вещи Бродского составлены рифмованными стихами, и с правильным размером. Например, из тех, которые я отношу к лучшим у него, совершенно различные по жанру "Сретение" (благочестивое и проникнутое религиозным духом, против которого с православной точки зрения ничего нельзя возразить) и "Новый Жюль Верн" (в манере научной фантастики или старинных морских легенд, слегка приближающееся к стилю авантюрных романов).

Однако, — проще всего, — возьмем последний по времени сборник стихов новейшего нобелевского лауреата, "Урапия" (Аши Арбор, 1987). И вот начало стихотворения "Шорох акации":

Летом столицы пустеют. Субботы и
отпуска
уводят людей из города. По вечерам —
тоска.
В любую из них спокойно можно
вести войска.

Рифмы четкие и даже богатые, да и размер выдержан строго. Или, пожалуйста, другое, "Шведская музыка":

Когда снег заметает море, и скрип
сосны
оставляет в воздухе след глубже, чем
сапный полоз,
до какой синевы могут дойти глаза? до
какой тишины
может упасть безучастный голос?

И тут — с рифмами все в порядке. А если, скажем, Бровцын предпочитает короткие строчки длинным, предло-

жим его вниманию "Полдень в компате":

Я родился в большой стране,
в устье реки. Зимой
она всегда замерзала. Мне
не вернуться домой.

Или еще, к примеру, "Пятая годовщина":

Я вырос в тех краях. Я говорил "за-
курим"
их лучшему певцу. Был содержимым
тюрем.
Привык к свищу небес и к аявазов-
ским бурям.

Что можно возразить против всех этих рифм (между прочим белых стихов мы что-то в книжке вовсе и не находим)? К ним бы, сдастся, и Пушкин не стал бы придирается. А уж Ахматова, та с Бродским была знакома и его творчество очень высоко оценила. И ей бы, казалось бы, в смысле поэтической техники, и книги в руки; она получше в поэзии разбирается, чем г-н Бровцын.

Она, как известно, к Бродскому обращалась с такими словами, в момент, когда он подвергался преследованиям:

Знаю: я и вовек не заплачу,
Но вовеки не видеть бы мне
Золотую печать неудачи
На еще не окрепшем челе.

При всем том, критически разбирать произведения Бродского никому не запрещено, и в них легко обнаружить немало недостатков. Бывают у него и бедные рифмы, вроде: *слепя — себя* и даже *Риме — рыбе*. Если это и умышленная небрежность, она все же непохвальна. Утомительно однообразна его манера нагромождать enjambements, — переносы мысли и слов из одной строки в другую. Сравнения и образы носят иногда антихудожественный характер. Удивляет порою бедность *содержания* стихотворений. А случается, что их и понять трудно.

Но судить-то надо грамотно (и, разумеется, честно). А то вдруг утверждать, что нету де рифм и размера... Каждый и всякий, кто не поленился раскрыть любую книжку Бродского убедится тотчас, что обвинения Бровцына лишены всякого основания.

Так нападать на поэта, это значит себя же самого и компрометировать, наглядно демонстрируя полную свою некомпетентность.

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ДЕНЕЖНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ДЛЯ "НАШЕЙ СТРАНЫ"

В последнее время участилась пропаша чеков, присылаемых по почте для "Нашей Страны".

Ввиду этого, редакция "Нашей Страны" убедительно просит впредь придерживаться следующих правил при переводе денег для газеты:

1. Личные чеки выставлять, как и всегда, на имя: Miguel Kireeff, но с добавлением "for deposit only", и присылать их исключительно заказной почтой.

2. Еще лучше, делать банковский перевод, но ни в коем случае не в Аргентину, а на счет — Miguel Kireeff — account № 78516453, Citybank, N. A., PO Box 282, Bay Ridge Sta., Brooklin, NY 11220, USA. В таком случае, сообщать письмом по адресу редакции о сделанном переводе.

3. Таким образом, впредь не рекомендуется больше посылать по почте "мoneй ордеров".

4. После каждого получения чека или сообщения о переводе на вышеуказанный банковский счет, редакция будет всегда немедленно высылать расписку в самой газете, или сообщать об этом в письме.

Среди книг

ПРЕСТУПНИКИ И ГЕРОИ

Подсоветский писатель Ю. Давыдов специализировался на романах, построенных на биографиях русских революционеров. Мы уже упоминали его книгу "Глухая пора листопада". Как бы продолжением к ней служат "Две связки писем" (Москва, 1983), рисующие жизнь Германа Лопатина, друга Маркса и Энгельса, первого переводчика "Капитала", члена Генерального Совета Интернационала, прошедшего долгие годы в шпильсельбургской крепости.

Автор старается внушить нам симпатию ко своему персонажу; но она не возникает. Даровитый, смелый и энергичный авантюрист, не жалевший ни себя, ни других, во имя служения глубоко ложным и гибельным идеалам, вызывает вовсе иные чувства. А уж его воинствующий атеизм и совсем противен; нам, здесь, и вероятно еще больше в СССР, где люди активно борются и страдают за веру.

Появляются на сцену и другие фигуры: Лавров, Нечаев, Чернышевский (и на заднем плане Герцен, Бакунин, Маркс с семейством). Невольно пожимаешь плечами: зачем эти люди творили (порою, самопожертвенно!) зло, обрушившееся потом на наши головы, на следовавшие за ними поколения?

Впрочем, не будем торопиться осуждать сочинителя. У него же представлены очень симпатичные лица, принадлежащие к иному стану: сибирский генерал-губернатор Синельников, Тихомиров (после своего обращения от социализма к монархизму), Леонтьев, княгиня Допдукова-Корсакова. Формально он от них отстраняется; но сомневаетесь, искренне ли? На деле, они-то и суть подлинные герои, деятели правильной мысли и проводники в жизнь истинного добра.

Наоборот, ужасны страницы, где Давыдов с сочувствием описывает Боевую Организацию эсеров, осуществлявшую террористические акты! Для него убийства губернаторов, министров, членов царского дома — подвиги; а когда виновных за это казнят, — он проливает горькие слезы и зовет нас плакать вместе с ним. Увы, наказание фанатиков, хотя бы и движимых бескорыстными побуждениями, было необходимым и справедливым. Правительство должно было от них защищаться, — и когда оно пало в борьбе, — неслыханные несчастья посыпались на Россию; и через нее, ставшую орудием нечистых сил, затрагивает теперь все больше другие государства.

Отметим один комический эпизод. Лавров систематически отучал себя от упоминания о Творце, даже в установившихся фразах вроде "Слава Богу!" или "Не дай Бог!"; но нередко чертыхался. Лопатин ему заметил однажды, что материалисты существование черта мол тоже не признают. Но от этого уж Лаврову никак не удалось отвыкнуть, и дьявола он призывал постоянно. Своего рода символ: отойдя от Господа, все эти безумцы предались Сатане, и попали навек в его когти.

Кое в каких деталях, Давыдов расходится с довольно надежными источниками, быть может ему и незнакомыми; например, об Азефе — вряд ли он читал воспоминания генерала Герасимова. Удивляет тоже его слово об А. Амфитеатрове, которого он считает писателем-докумен-

талистом, чуждым вымысла и фантазии. Это об авторе-то вещей как "Жар-цвет", "Древо жизни", "Сатанисты" и целой кучи романов с напряженным и запутанным действием! Уж его-то Давыдов определенно не читал и не знает...

РЕЧЕ БЕЗУМЕЦ...

Трудно вообразить себе книгу противнее, чем роман "Псалом" Ф. Горенштейна, опубликованный в 1986 году издательством "Страна и Мир". По сравнению с ним, русофобские творения Б. Хазасова — детские игрушки.

Г-н Горенштейн считает, что немцев, после Второй Мировой, надо было истребить поголовно, всех до одного. Предприятие мало осуществимое технически, а главное — морально. Это бы их за то, что они пинали евреев и презирали славян. Вещи и вправду непохвальные. Но мы ясно видим, что сам Горенштейн (nota bene: он претендует говорить от имени всех евреев; но мы ему не верим) ненавидит немцев и презирает славян. Чем же он лучше немцев? Да мы и убеждаемся, что все его главные тезисы взяты напрокат у тех же национал-социалистов.

У немцев все же хватало здравого смысла свои нелепые теории не издавать широким тиражом по-русски. А г-н Горенштейн именно на нашем родном языке и, значит, для нас выпустил свое чудовищное сочинение на 450 страницах. Что же, — всем советуем прочесть; и принять к сведению.

Каждый раз, употребляя слова *славянский* или *славяне*, он их сопровождает оскорбительными и уничижительными эпитетами. Не по нутру ему и внешность русских: *азиатские* скулы, вздернутый нос... А уж о русском характере он неистовствует в издевательствах и насмешках.

Ну и вера наша, оказывается, — *азиатчина*. Да кроме того, видите ли, русский человек по природе — атеист... Что до идущего сейчас религиозного возрождения, оно — сплошная комедия, и ни к чему хорошему не приведет.

Впрочем, о религии следует поговорить подробнее. Концепция, тут изложенная, такова (прости меня Бог, что я сии преступные и страшные словеса повторяю!): Христос был еврей, и обращался к одним евреям (и притом говорил вздор); прочие народы не имеют никакого права на его учение, которое притом же не поняли и еще исказили. Специальную злость вызывают у беснующегося иноверца наши иконы, которые он предаст словесному поруганию. Приведем, для интереса, его мнение о Новом Завете: "Христианский поздний довесок — Евангелие, в котором нет ни одного самостоятельного слова". Здесь уж, подлинно, комментарии излишни.

Горенштейн убежден, что евреи — не только избранный Богом народ, но единственный имеющий сношения с Богом; единственные настоящие люди. В чем он опирается на цитаты из Библии, толкуя их ложно. Даже националистически настроенные ортодоксальные евреи едва ли согласятся со столь крайними выводами. Бог — так мы себе представляем, — создал *всех* людей, *все* народы, и никого не отверг. Но горе тем, которые превозносятся; они сами себя осуждают, и закрывают себе путь ко спасению; их пути, через гордость и человеконенавистничество, ведут не к Богу, а к Сатане.

С христианской точки зрения, выраженные тут представления — возмутительны и нелепы. Но мы честно думаем, что они и для разумных иудеев носят еретический характер.

Повторяя (в самой примитивной форме) гитлеровские бредни об унтерменшах, автор часто доходит до смешного. Как русские смеют пазы-

вать своим именем *русскую* печь, или *русские березки*? Помилуйте: говорят же *французские* и *английские* булавки; а разве их до французов и англичан не существовало?

Еще скажем: немцы вели себя в России глупо и скверно. Но отнюдь не так, как изображает Горенштейн: он во всем следует советской пропаганде, которая беспардонно врет. Чтобы немцы на образе Христа писали "Judische Schwein" — мы не видели; а что они закрытые большевиками церкви открыли для народа, — это все же правда, и ее надо поставить им в заслугу.

В своем гипертрофированном рализме писатель доходит до утверждения, будто от браков евреев с неевреями рождаются дегенеративные дети. Суший бы клад для антисемитов; только вот не подтверждаемый фактами. Наоборот, противореча себе же (и, возможно, преувеличивая) он сам констатирует, что в черте оседлости, при отсутствии прилива свежей крови, вырождение и впрямь имело место.

Специальному оплеванию подвергается русская интеллигенция, и в первую очередь антисоветская по духу, выведенная в карикатурном духе. Особенно забавно для хулителя, — что в ее разговорах постоянно заходит речь о Христе. Имена русских мыслителей, как Гоголь и Достоевский, тоже поминаются лишь на предмет насмешки и шельмования. И если новоявленному последователю Геббельса и к^т ненавистно христианство, — то не меньше и гуманизм. Например, он с пеною у рта от ярости отвергает положение, что все народы равны, и в каждом есть как хорошие, так и плохие люди.

Верим, что Горенштейн искренен в своем сатанинском озлоблении против России. Но невольно спрашиваешь себя: какие силы и с какой целью стимулируют подобные высказывания, с оскорблениями, от имени евреев, России и русских? *Кому и зачем* это нужно? Ведь действие равно противодействию; или, как наш народ формулировал: "Как аукнется, так и откликнется".

Мы-то можем отнестись к поносителю и к его ругательствам с презрением. Он ссылается на древнего арабского путешественника, наивно сказавшего, что если русские научатся ездить верхом, то завоюют весь мир. Ну, тот, помнится, выразил и еще более верную мысль: "А руссы — народ великий..."

Оскорбления же нашей веры, их, конечно, тяжелее простить. Не станем говорить, как герои данного романа: "Хулитель имени Господнего должен умереть". Вспомним другие слова: "Мне отмщение, и Аз воздам". А что верно, то верно: Имя Господне поругаемо не бывает. За богохульство всегда приходит расплата; не сегодня, так завтра.

Рассуждения о том, что мол русские могли принять и Ислам, довольно-таки пусты: "Если бы, да кабы..." Притом, у истории своя логика: почему-то все европейские племена предпочли христианство. Кроме, разве что, албанцев (частично) и боснийцев; но там и тут были свои, местные, и достаточно сложные причины.

Что сказать о слоге г-на Горенштейна? Роман написан мешанским говорком, не свободным от грамматических ошибок, с перебивающими действие длинными возгласами в библейском стиле и скучными абстрактно-философскими отступлениями; все это — весьма безвкусно. А фабула... она бессвязна и бессмысленна; да, собственно, — ее и нет совсем.

Савва Юрченко

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Из ответа одному сотруднику

"Наша Страна" всегда была открыто монархической газетой, поимая при этом русскую монархию, так как ее понимал Иван Солоневич, например в своем труде "Народная монархия". То есть, "Наша Страна" стоит за православную, соборную и народную монархию. Больше того, "Наша Страна" считает православие, соборность и народность государственного строя для России как бы общим знаменателем для всех возможных русских политических вариантов. Монархия является лишь наилучшим и наиболее подходящим числителем для этого знаменателя". (Из передовицы в № 1794, от 15-12-84).

Мы считаем себя почвенниками и союзниками всех русских почвенников, если даже некоторые из них и не осознают себя открыто монархистами. Мы против беспочвенных идеологизмов, так как считаем, что они порабощают политически и экономически (а иногда и духовно) все общество.

Мы считаем, что личность, с присущей ей свободной совестью, выше общества. Из этого основного принципа мы и выводим наш монархизм, так как ответственность за высшую власть должна лежать на совести одного человека, в то время как управительная власть должна осуществляться соборно, при широчайшем применении самоуправления. Важнейшим элементом в этой общей политической концепции является требование подлинной свободы на всех уровнях всех отраслей национальной жизни. Хозяйственная свобода, таким образом, не только является в нашем понимании исторической константой исторической России, но и важнейшей предпосылкой для всеобщей свободы для нашей страны. Экономическое равновесие достигаемое через свободное делание всех жителей и граждан нашей страны должно явиться основой и для общественного и для политического равновесия. Свобода неделима, а также не может быть обусловлена догматическими идеологизмами. Без экономической свободы нет свободы общественной, ни политической.

Но экономическая свобода будет всегда под угрозой при засилии государственных или частных монополий, особенно в области денежного хозяйства. "Уже Аристотель обратил внимание на то, что государству нужна хорошая экономика", то есть "домохозяйство", но весьма вредна "хрематистика", то есть "деньгохозяйство", особенно в том, что касается накопления богатств (то есть капитала) путем наживы на процентах при помощи отвлеченных финансовых махинаций. В наши дни эти махинации достигли поистине чудовищного изощрения, путем выдумывания самых сложных инструментов искусственного контроля над почти всеми ресурсами отдельных стран". (Из передовицы "Соборный строй" в № 1718, от 25-6-1983).

ПЕЧАТЬ

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

В "Русской Мысли" от 13 ноября (за подписью А. Гинзбурга) читаем: "Недавно был в Париже Виктор Астафьев, очень хотелось встретиться, да он не захотел".

Не знаем, какие мотивы были у подсоветского писателя; но поступил он правильно. "La Pensée Russe" прочно себя зарекомендовала (и каждый день приносит новые тому подтверждения) как враг идущего сейчас в подполье России процесса национального и религиозного возрождения.

Мужественно и энергично участвующий в сей борьбе за правое дело Астафьев, — о чем бы он стал говорить с представителями газеты, четко отражающей антирусскую ориентацию?

МАКОВСКИЙ, А НЕ МАЯКОВСКИЙ!

"Время и Мы", в № 96, публикует отрывки из воспоминаний С. Дубновой-Эрлих под завлекательным заглавием "Люди Серебряного Века". Увы! Хотя она встречалась с Чуковским, Блоком, Кузминым и другими любопытными фигурами, но говорит больше не о них, а о буиде, о сионистах и о марксистах. А это не всякому интересно (нам — нет).

Отметим курьезную ошибку (без сомнения не ее, а редакции). О жене Блока, Дубнова рассказывает: "Любовь Димитриевна Менделеева-Блок оказалась крупной полнотелой русской женщиной, — с нее бы Маяковскому писать своих боярышень".

Явным образом, речь тут не о В. Маяковском, а о К. Маковском, известном художнике той поры (отец поэта С. Маковского, умершего в эмиграции, в Париже).

ЯПОНИЯ И АМЕРИКА

В этом же номере, посетив Страну Восходящего Солнца, В. Шляпентох ("Два письма в Россию") выражает восхищение порядком, чудесной организованностью, любезностью и гостеприимством ее жителей.

Однако, он не без злорадства полагает, что скоро сюда вторгнется американский образ жизни, и тогда все радикально изменится. *Diei omen avertant!*

Удручает малая культурность автора. Айнов, — аборигенов Японии, — он называет *айни (!)*, и радуется, что они ассимилируются с японцами. Исчезновение этого загадочного и интересного народа будет, — если произойдет, — большой утратой для человечества.

Переходя затем к США, Шляпентох описывает зрелище, которое ему "удалось увидеть в Сан Фран-

циско, столице гомиков. В воскресенье они, включая лесбиянок, провели грандиозный парад... Парад, конечно, производил жутковатое впечатление, — торжество Содомы и Гоморры! Надо ли удивляться, что консерваторы и религиозные фундаменталисты восприняли СПИД как Божью кару?"

А как же иначе прикажете воспринимать? Если автор атеист, пусть себе скажет, что это природа наказывает тех, кто нарушает ее законы. Во всяком случае, смешно ведь отрицать, что какая-то высшая сила мощно внушалась в нашу жизнь и твердо кладет предел воцарившемуся было разврату. При чем думаем, что появление на сцену болезни эйдж (или, советским языком, спид) есть только начало давшего процесса...

РЫЦАРЬ МАТЕРЩИНЫ

Здесь же писатель Юз Алешковский, в интервью американцу Дж. Гледу, пламенно защищает употребление мата в литературе:

"Разумеется, некоторые могут назвать это натурализмом, некоторые грубостью, некоторые — хулиганством. В России употребление мата все растет. Ругаются сизмалства, ругаются все слою населения. В России я не разу не слышал, что де ты базирательный писатель, если твой герой матерится, употребляет нецензурные слова. А здесь мне пришлось столкнуться с полным неприятием, отдающим таким провинциальным спобизмом со стороны старой эмиграции. Первая волна выехала после революции, и, конечно тогда жизнь интеллигентского общества (и вообще вся лексика русской литературы) обходилась без мата. Можно, конечно, попятить людей из первой эмиграции. Семантика мата воспринимается западным человеком совсем не так старым русским интеллигентом, еще и лишенным общения с живой лексикой России, трагически лишенным этого".

Не удивительно, что воздвигающий сию башню лжи продукт советской образования, оскорбляя и презирая первую эмиграцию — допускает фигуру умолчания, игнорируя вторую. Между тем, никто из писателей и поэтов этой последней (которых было много, и блестящих), знавших именно советскую, послереволюционную Россию, в ней уже выросших, а зачастую и родившихся, к мату не прибегал, и пужды в нем не испытывал. Да и из третьей волны, — обходится же без матерщины и похабщины самый ее выдающийся писатель, А. Солженицын.

В реальности, дело вовсе в ином. Известным кругам и лицам надо создать испохабленный и загаженный образ *такой* России, от которой бы с отвращением отвернулась и старая эмиграция, и все люди доброй воли на Западе. Они вот изо всех сил и стараются. Не позволим же им себя обмануть!

А для литераторов с большим честолюбием и с малым талантом, как г-н Алешковский, — сильное искушение проявить *новаторство* в смысле похабщины. Рука руку моет.

Он делает то, что врагам России нужно; те, в свою очередь, его рекламируют. А наивняки вроде мистера Гледа знай умиляются.

Suum cuique!

ЛЯГУШКИ ЗАКВАКАЛИ

Пробуждение национальных сил в России не дает покоя всем врагам русского народа, за рубежом и внутри страны. "Русская Мысль", в номере от 4 декабря, снова печатает продукты пера своего корреспондента В. Пимопова, обливающего организацию "Память" слюною бешеной собаки, пришивая ей антисемитизм (за защиту памятников нашей родной старины!).

По библейской формуле, он и прочие поганцы его типа "убегает, когда за ним никто не гонится": кричит об антисемитизме (которого покамест нет)... и яростно проповедует антирусизм (все яснее раскрывая свои карты).

Не отстают, понятное дело, и "Страха и Мир", — один из самых противных журналов Зарубежья. В № 5, в нем воспроизводится донос групп евреев в СССР, адресованный в ЦК КПСС, с требованиями суровой расправы все над тою же "Памятью" (называя их *погромщиками!* а кого же и где они, собственно, погромили?).

Типична злоба составителей сей позорной бумажки против всех евреев, не желающих принимать участия в подобной гнусной травле. Их эти грязные клеветники упрекают в трусости, и честят последними словами.

Новоявленным стучальным дел мастерам досадно, что прошли времена, когда за обвинение (даже и будь оно совершенно ложное!) в антисемитизме автоматически давали 5-10 лет концлагерей. Но та эпоха, как будто, прошла, — и, будем надеяться, никогда не вернется!

КТО ТВОИ ДРУЗЬЯ?

Специально позорный характер носит в том же номере "Страны и Мира" опус А. Зверева, — из Москвы! — открыто объединяющегося с советским правительством в деле преследования оппозиции одному справа:

"22 мая "Комсомольская Правда" в статье "В беспамятстве" обрушилась на антисемитов из "Памяти" — ликует он; и со злобной радостью добавляет — "Ну что здесь можно сказать? Приятно, когда комсомол занимается делом".

Еще более приятно, без сомнения, будет ему, когда *займутся делом* чекисты и, их палачи станут русских патриотов расстреливать по застенкам. Ближайшее будущее нам покажет, осуществимы ли его мечты.

В. Р.

"ЦАРСТВОВАНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II"

проф. С. С. Ольденбург

Как издатель труда проф. С. С. Ольденбурга "Царствование Императора Николая II", сообщая всем, кто еще не приобрел этой книги, что на складе осталось меньше 50 экземпляров. Это — последняя возможность приобрести этот труд, объективно и исчерпывающе описывающий последние 25 лет дореволюционной России, со всеми ее успехами и неудачами. Новое (третье) издание не предполагается. Книга содержит 650 страниц, с большим количеством фотографий. Стоимость ее 11 долларов, включая пересылку. Чеки выписывать на мое имя и посылать по моему адресу: Georg Meyer, 1004 Noyes Dr. SILVER SPRING MD 20910, USA.

Языковые уродства

СИГЮЭНСА

Покойный поэт Ю. Иваск претендовал на знание испанского языка (и даже поучал публику, как надо произносить испанские слова и названия). Знание это, однако, было весьма поверхностным, в чем мы можем убедиться из его книги "Повесть о стихах" (Нью Йорк, 1987).

В ней упоминается некий ученый, математик, лингвист и поэт XVII века, по имени Карлос де Сигюэнса и Гонгора. Очевидно Иваск думал, что у испанцев существует звук вроде французского и или немецкого ü. В действительности, у них такового нету; а данная фамилия звучит как *Сигуэнса*.

Еще хуже, когда рядом появляется на сцену архиепископ фрей Гарсиа Гуэрра. Это уж последнее дело, писать *Гуэрра* вместо *Герра*, нарушая самые элементарные принципы кастильской орфографии.

Что уж говорить об ацтекских именах, которые автор книги тоже щедро приводит, рассказывая о своем путешествии в Мексику! Имя одного из главных богов ацтекского пантеона, *Кецаль-коатль* (то есть "Пернатый Змей") превращается под его пером в *Кецакотль*, имя одного из выдающихся древних царей, *Несауалькойотль* ("Постыющийся Волк") — в *Несахуалькойотль*.

Других примеров не стоит уж и приводить. Удивляет подобная небрежность в деталях, которые ведь не трудно бы было проверить.

Аркадий Рахманов